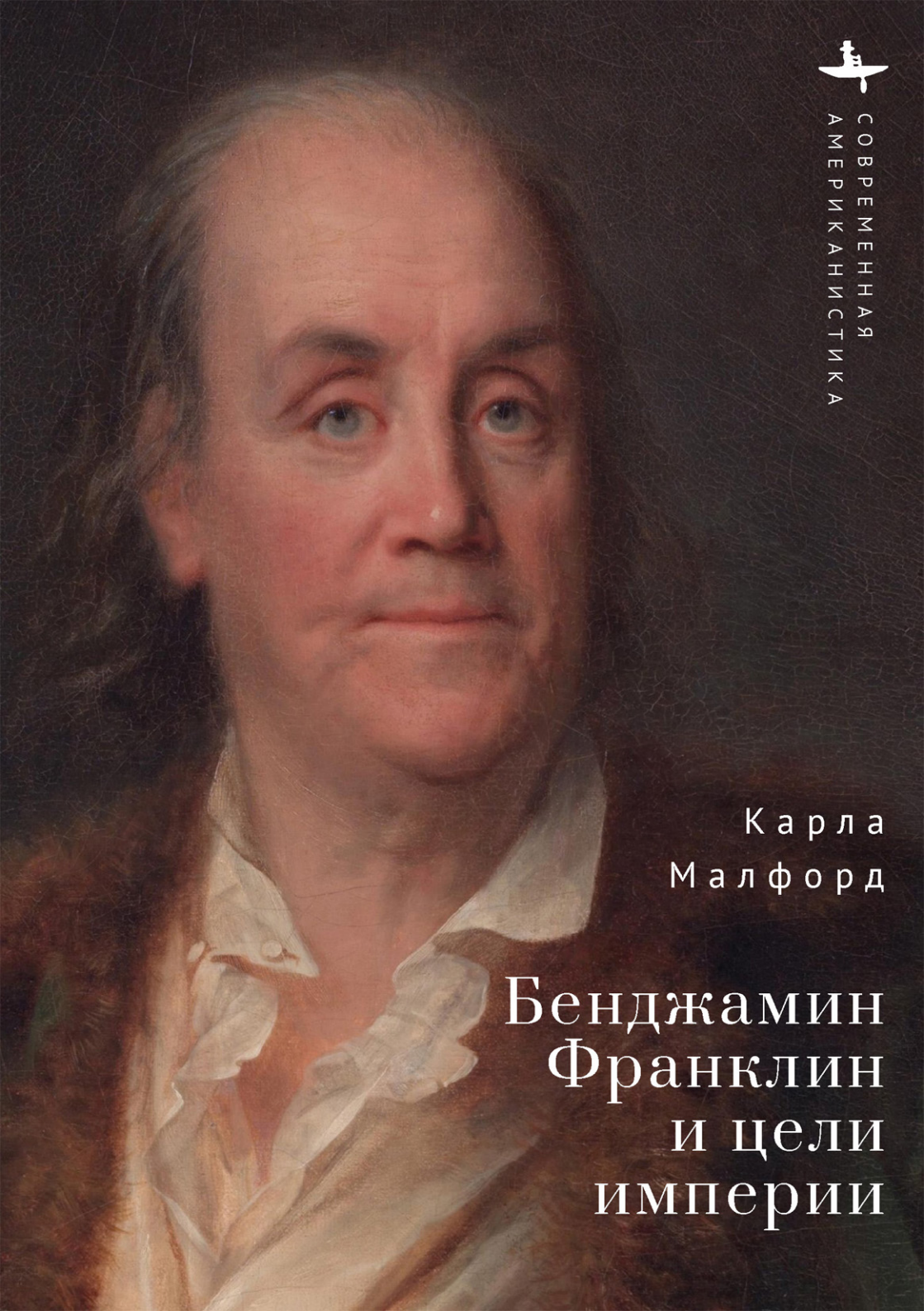

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНИСТИКА

Карла Малфорд

Бенджамин Франклин и цели империи

УДК 94(73)”1706/1790”
ББК 63.3(7)51
М18

Перевод с английского Настасьи Вахтиной

Серийное оформление и оформление обложки Ивана Граве

Изображение на обложке: Анн-Розали Боке-Филлель (Франция, 1752–1794). Портрет Бенджамина Франклина (1778 или 1779 год). Предоставлено Филадельфийским художественным музеем, дар достопочтенного Уолтера Х. Анненберга и Леонор Анненберг и Фонда Анненберга, 2007 г.

Малфорд, Карла.

М18 Бенджамин Франклин и цели империи / Карла Малфорд ; [пер. с англ. Н. Вахтиной] — СПб.: Библиороссика, 2025. — 568 с. — (Серия «Современная американистика» = «Contemporary American Studies»).

ISBN 978-5-907918-41-2 (Библиороссика)

Карла Дж. Малфорд в своей книге подробно рассматривает, как формировались взгляды Бенджамина Франклина (1706–1790) на экономику, общество, политику и окружающую среду. Под влиянием идей раннего либерализма этот видный деятель американской революции отстаивал свободу слова и совести, право на передвижение, участие в выборах и принятие собственных законов — включая правила налогообложения и торговли.

Эти взгляды вступали в резкое противоречие с идеями колониализма, которые утверждались в Северной Америке, Индии и Ирландии. Автор показывает, как идеи Франклина стали частью интеллектуального фундамента, на котором строилось стремление американских колоний к независимости.

УДК 94(73)”1706/1790”
ББК 63.3(7)51

© Carla J. Mulford, text, 2015
© Oxford University Press, 2015
© Н. Ю. Вахтина, перевод с английского, 2025
© Academic Studies Press, 2025
© Оформление и макет.
ООО «Библиороссика», 2025

ISBN 978-5-907918-41-2

Оглавление

Предисловие 7
Благодарности 13

Введение 17
Глава первая. «Наша безвестная семья рано примкнула к Реформации». О семейной памяти 42
Глава вторая. «Жажда знаний была во мне так сильна...» Юность Франклина в Бостоне 70
Глава третья. Представления Франклина об империи. «Земля в монетарном выражении» и глобальные цели . . . 123
Глава четвертая. Политика Пенсильвании и проблемы империи 166
Глава пятая. «Колонистам... лучше видно». Империя в середине XVIII века 215
Глава шестая. Франклин в лондонском театре империи 275
Глава седьмая. Любовь к родине 341
Глава восьмая. Восстание против тиранов, послушание Богу 408
Глава девятая. «Я хотел как лучше, и надеюсь, что все закончится хорошо». Последние годы жизни 466
Заключение. Бенджамин Франклин — первый американский интеллектуал 509

Библиография 515
Предметно-именной указатель 542

Глава первая

«Наша безвестная семья рано примкнула к Реформации»

О семейной памяти

Гражданские войны раннего Нового времени оказали большое влияние на английских предков Бенджамина Франклина. Чтобы в полной мере понять отношение Франклина к войне и свободе, необходимо обратить внимание на то, как политические и религиозные разногласия XVII века отразились на истории его семьи. Из автобиографии Франклина, многочисленных писем членов семьи и из работ его дяди Бенджамина известно, что Реформация и битвы Английской гражданской войны в Мидлендсе повлияли на взгляды членов семьи на историю Англии и исконные британские свободы. Франклин рано узнал историю своей семьи от своего отца Джозайи (1657–1745) и любимого дяди Бенджамина (1650–1727), в честь которого его назвали. Франклин читал книги, которые они привозили с собой, слушал их разговоры за обеденным столом и с юных лет впитывал их богатый жизненный опыт. Нам неизвестны все подробности их жизни в Англии, но стоит задуматься о том, насколько трудной была их жизнь, если они рискнули пересечь океан, не зная, что ждет их в будущем.

Историки утверждают, что семья отца Франклина переехала в Новую Англию, чтобы найти средства к существованию. Такое толкование соответствует представлениям середины XX века о том, что экономические вопросы превалируют над религиоз-

ными. К примеру, Артур Бернон Туртеллот заключает, что «все свидетельствует о том, что именно дух независимости, <...> а не контроль над религиозными взглядами побудил двух Франклинов — Бенджамина-старшего и Джозайю, ставших пуританами, последовать этому пути» и переехать в Новую Англию [Tourtellot 1977: 42][1]. Доводы Туртеллота разумны. Жизнь в Новой Англии была немного дешевле, а зарплаты рабочих — в два-три раза выше. Но на решение семьи о переезде повлияли и другие факторы, в том числе и религиозные соображения[2].

Джозайя Франклин решил уехать из Англии по двум причинам: чтобы иметь возможность исповедовать свою религию без вмешательства со стороны властей и чтобы содержать растущую семью. Согласно семейным преданиям Франклинов, мужчины искали подходящую работу там, где было больше рабочих мест, выше зарплата, а земля стоила дешевле. Но они также (и, возможно, это более важно) хотели молиться так, как считали нужным. Семейный архив свидетельствует о том, что члены их семьи серьезно относились к вопросам религии. Несколько крупных битв в ходе гражданских войн, которые случились всего за несколько десятилетий до их переезда, произошли поблизости от Эктона, Банбери и Оксфорда, где проживала их большая семья.

---

[1] Туртеллот описывает положение семьи Франклинов в главе четвертой. Среди недавних биографов, пишущих о переезде семьи Франклинов через Атлантику, Уолтер Айзексон, например, сообщает, что Джозайя Франклин перевез семью в первую очередь по экономическим причинам: «Джозайя больше заботился о том, чтобы поддержать свою семью». После этого комментария Айзексон приходит к заключению: «История эмиграции семьи Франклина, как и история Бенджамина Франклина, дает представление о формировании американского характера» [Isaacson 2003: 8–9]. Насколько мне известно, нет никаких свидетельств того, что основным мотивом Джозайи была забота о семье. Х. У. Брэндс говорит о религиозных причинах, которые могли побудить Джозайю Франклина к переезду. Рассуждения Брэндса о том, что он называет «экономикой переезда», гораздо более интересны, поскольку они опираются не только на рассказ об этом самого Бенджамина Франклина из мемуаров [Brands 2000: 13]. О Джозайе Франклине и его семье см. [Huang 2000].

[2] Информацию о стоимости жизни см. в [Tourtellot 1977: 47–52]. Достоверный и интересный рассказ о Джозайе см. в [Huang 2000: 6 n. 7].

Спустя годы члены семьи искренне сочувствовали сторонникам парламента, погибшим во время этих войн. В этой главе пойдет речь об истории семьи Франклина во время Английской гражданской войны, об их отъезде из родной Англии в 1683 году и о влиянии истории семьи на Бенджамина Франклина.

«Наша безвестная семья рано примкнула к Реформации»

Франклины жили в области Мидлендс в Англии, которая стала ареной жестокой борьбы во время Реформации и в эпоху Английской гражданской войны. Ключевые сражения гражданской войны середины XVII века велись на полях и дорогах поселений, где жила большая семья Франклинов. Истории Джозайи и его брата Бенджамина об их предках свидетельствуют о том, что во время правления королевы Марии члены семьи опасались за свою жизнь. В 1550-х годах в Англии предпринимались попытки возродить католицизм и запретить протестантство. Рассказы о королеве Марии, или о Марии Кровавой, встречаются у Франклинов довольно часто, особенно в трудах дяди Бенджамина, что позволяет предположить, что вопрос веротерпимости (или ее отсутствия) был для них важен. Но они также опасались и монархов, под управлением которых жили в Англии, особенно когда в результате ряда действий, направленных на то, чтобы заставить людей следовать догмам англиканской церкви, Франклины столкнулись с проблемой свободы вероисповедания. Они хотели молиться по-своему, так, как им велела совесть.

Будучи вероотступниками, склонявшимися к пуританству, в ходе гражданской войны Франклины поддерживали парламент. Однако зачастую они оказывались окружены сторонниками короля, которые направлялись в области, контролируемые сторонниками парламента. Во время войны проблемы сыпались на людей со всех сторон. Некоторые вступали в армии той или иной стороны из-за денег и возможности грабить. Другие присоединялись к войскам, потому что верили, что их дело — правое. Но после битв, когда становилось ясно, кто победил, а кто проиграл, многие переходили на сторону победителей, чтобы про-

должать получать жалованье. По мнению историка Брайана Мэннинга, «солдатам, воевавшим только ради денег, было неважно, какой стороне они служат, лишь бы им платили» [Manning 1973: 96]. Они грабили местных жителей и даже своих боевых товарищей. Часто воины дезертировали, особенно после крупных кампаний. Большинство из них бесцельно брели дальше (если не были ранены), упав духом, утратив мотивацию из-за отсутствия жалованья, оружия, пропитания, одежды и стимулов сражаться [Gentles 1998: 103–155][3]. Исследователь Иэн Джентлс отмечал, что «армии обеих сторон были похожи на грибы: они появлялись за одну ночь, а исчезали еще быстрее» [Gentles 1998: 104]. Один историк той поры заметил, что людей, живущих в Мидлендсе, королевские солдаты «постоянно притесняли», а сторонники короля донимали «непрекращающимися требованиями». Роялисты разрушали частные дома, чтобы построить там укрепления, и регулярно воровали золотые и серебряные вещи, чтобы переплавить их и заплатить таким образом королевским солдатам [Sherwood 1997: 50]. Франклинов, живущих в Мидлендсе, постоянно грабили солдаты обеих армий.

Такие воспоминания семьи, связанные с народными волнениями, помогают нам понять, почему столетие спустя Бенджамин Франклин всеми силами стремился избежать войны с англичанами и с британской короной. История Франклинов проливает свет на политические и религиозные проблемы, с которыми сталкивались все англичане, поскольку в непростой обстановке борьбы за права человека, за гражданские и религиозные свободы возникали вопросы о сути гражданской и религиозной власти. В Англии раннего Нового времени сложные и весьма противоречивые отношения между личностью и королевской властью, с одной стороны, и между официальной церковью, Тайным Советом, правительством, парламентом — и народом, с другой, уже давно были источником проблем. При жизни Франклина эти проблемы оставались неразрешенными. Он надеялся, что они

---

[3] Более подробную информацию о масштабах сражений см. в исследовании [Gentles 2007].

решатся задолго до начала восстания колоний против Великобритании.

«Наша безвестная семья рано примкнула к Реформации», — писал Франклин на первых страницах своих мемуаров в конце июля или начале августа 1771 года [Франклин 2022: 42; Franklin 1987: 1311]. Он размышлял над записями рассказов родственников, которые сделал летом 1758 года во время путешествия со своим сыном Уильямом (около 1731–1813) по Нортгемптонширу и Оксфордширу в центральной Англии, к северо-северо-западу от Лондона[4]. Во время этой поездки Франклин работал как над записью своих детских воспоминаний об историях, рассказанных членами семьи, так и над заметками и письмами, которые ему передали его отец Джозайя и дядя Бенджамин. Несомненно, что Франклин помнил первые строчки ностальгического стихотворения дяди Бенджамина об Эктоне, написанного в 1702 году, когда тот жил в Лондоне. «Это церковь проповедника, которого я боялся, — писал дядя Бенджамин. — Это колокола, которыми я наслаждался»[5]. Франклин посетил церковные приходы в городах и деревнях, где жили его предки, и пообщался с оставшимися родственниками, известными Франклинам, живущими в Новой Англии, и в первую очередь с двоюродной сестрой Мэри Франклин Фишер (1673–1758)[6]. Размышляя об услышанных им многочисленных рассказах о семье, Франклин ставил целью собрать дополнительную информацию, которую он мог почерпнуть из приходских записей и надгробных памятников.

Для Франклина поездка 1758 года имела личное и идейное значение. Ему пришлось объяснять правительству и Совету по

---

[4] Заметки и переписку Франклина об этой поездке см. в [Franklin 1959–, 8: 114–121].

[5] Ностальгическое стихотворение дяди Бенджамина воспроизведено в [Franklin 1959–, 8: 136]. Рукописная тетрадь дяди Бенджамина (под именем Бенджамина Франклина Старшего) находится в Американском антикварном обществе.

[6] Она была дочерью Томаса Франклина, старшего сына отца Джозайи, Томаса Франклина. Генеалогию Франклинов см. в [Franklin 1959–, 1: XLIX–LXXVII].

торговле, почему ассамблея Пенсильвании, в которой преобладали квакеры, продолжает добиваться возмещения ущерба от Пеннов, владельцев Пенсильвании. 1757 год был особенно трудным. Ассамблея защищалась от клеветы Уильяма Смита (1727–1803), который, будучи ключевым информатором семьи Пеннов, выступал против ассамблеи от имени Пеннов и ходатайствовал о роспуске ассамблеи. Устав от обвинений Смита, члены ассамблеи заключили его в тюрьму по обвинению в неуважении к власти. Именно Франклину пришлось объяснить Пеннам и Совету по торговле, почему ассамблея поступила именно так. От него также ожидали объяснений по поводу неоднократных призывов (которые он поддерживал) к тому, чтобы земли Пеннов облагались налогом, взимаемым местной ассамблеей. Пенсильванские колонисты были убеждены, что ассамблея, выборный орган, имеет полное право принимать местные законы.

Это убеждение легло в основу принципа либерализма раннего Нового времени — права на представительство в форме выборного органа. Весной 1758 года Франклина вызвали на Совет по торговле для защиты требований ассамблеи. Франклин считал, что ассамблея, как выборный представительный и законодательный орган колонии, имеет полное право защищаться от клеветнических речей и публикаций, подобных тем, что были написаны Уильямом Смитом, а также имеет право требовать от Пеннов уплаты налогов. Франклин помогал юристам разрабатывать аргументацию в поддержку этого утверждения. Смит, писавший и публиковавший жалобы на ассамблею в немецкоязычной прессе Пенсильвании, обратился к исполнительной власти и к парламенту с жалобой на притеснения со стороны ассамблеи. Доводы Смита основывались на юридической гипотезе о том, что юрисдикция исполнительной власти и парламента превосходила юрисдикцию пенсильванской ассамблеи. По мнению Франклина, если бы аргументация Смита нашла поддержку в Англии, возник бы опасный прецедент, так как ассамблея Пенсильвании постановила, что как представительный выборный орган она имеет право на защиту своих территорий от реальных или предполагаемых злоумышленников. Франклин утверждал, что, согласно

первоначальным королевским хартиям и в соответствии с устоявшимся обычаем, ассамблея является основным представительным и управляющим органом колонии. «Заявитель был заключен под стражу лишь за неуважение к власти, — писал Франклин, — и его могли бы оправдать», если бы он просто обратился к вышестоящему органу власти — ассамблее — с просьбой заключить его под стражу за клевету. «Требует ли дело этого человека обсуждения привилегий представителей народа Пенсильвании, да и всех американских колоний?» — спрашивал он. Свои правовые доводы он основывал на том, что, если корона и парламент заберут себе права и обязанности, которые по обычаю (и по закону) принадлежали местным органам управления, это коснется всех представительных органов колониальной власти. Далее Франклин объяснял, что население колоний, «этих больших и отдаленных провинций», обладает правом иметь представительные органы власти, которые действуют от их имени, подобно народу в Англии, имевшему право на представительство на всех уровнях, от «членов палаты лордов до судов самой низшей инстанции» и даже мировых судей[7].

В конце концов Франклин и юристы добились своего. Дело Смита было закрыто, а Пенны согласились платить небольшие налоги. Но в 1758 году, во время путешествия Франклина с сыном по родине его предков, решение по делу Пеннов еще не было принято. Необходимость обдумывать юридический прецедент, который он оспаривал, последствия, касающиеся прав на местное представительство, необходимость установления справедливого (по его мнению) налогообложения Пеннов — все это сильно давило на Франклина во время путешествия по Мидлендсу в поисках крупиц семейного прошлого. Тринадцать лет спустя, когда Франклин начал писать мемуары для своего сына, он писал их с учетом семейной традиции инакомыслия. Франклин утверждал, что его семья «оставалась протестантской даже в царствование королевы Марии, когда ревностным про-

---

[7] Документы о петиции Уильяма Смита напечатаны в [Franklin 1959–, 8: 28–51], цитаты на с. 48–50.

тивникам папизма порой грозила серьезная опасность» [Франклин 2022: 42]. Франклин вспоминал, что члены его семьи, несмотря на запреты на отправления нетрадиционных религиозных обрядов, в годы правления Марии Католички оставались верны протестантской англиканской церкви[8], а при Карле I они стали противниками англиканства. В наши дни упоминание Франклином семейных дел в XVI веке и при правлении королевы Марии кажется маловажным, но в его время память о страшной эпохе Марии Кровавой была еще жива, особенно у протестантов. Упоминания о королеве Марии свидетельствовали о том, что люди поколения Франклина испытывали неподдельный страх при разговоре о религиозных притеснениях. Особое замечание о правлении Марии Кровавой и о том, что его семье как «ревностным противникам папизма» «порой грозила серьезная опасность», свидетельствует об осведомленности Франклина о семейной традиции инакомыслия, а также о важности его памяти об их непоколебимой моральной убежденности в правоте своего дела.

---

[8] При королеве Марии Католичке корона фактически вернулась к католической вере, хотя сводный брат Марии, Эдуард VI, во время своего короткого правления с 1547 по 1553 год укрепил протестантизм, унаследованный им от своего отца. В 1549 году Эдуард VI поспособствовал появлению первого англиканского молитвенника и потребовал, чтобы английское духовенство использовало его на основании Акта о единообразии. В целом правление Эдуарда VI привело к усилению роли протестантизма в Англии, но Мария восстановила католическую мессу и богослужебную практику, тем самым восстановив авторитет папы. В годы правления Марии были изданы акты, направленные на ритуализацию церковных церемоний. Требовалось, чтобы все церкви были восстановлены внутри по католическому образцу. Помимо прочих изменений, священству было обеспечено центральное положение у церковного алтаря. На восстановление церквей предполагалось взимать налоги с местных общин. Кроме того, была предпринята попытка вернуть католической церкви земли и реликвии, захваченные короной во времена правления Генриха VIII. Однако наиболее важным было соблюдение единообразия: в 1555 году парламент подтвердил возврат к законам XIV века, согласно которым лица, не подчинявшиеся постановлениям администрации, могли быть преданы смерти, а их имущество передано короне. При правлении Марии было казнено, как правило через сожжение, около 300 человек разного ранга и положения.

Заметки о мучениках эпохи Марии Католички регулярно появлялись в «Букваре Новой Англии» — широко распространенном школьном учебнике — начиная с его самых первых изданий в 1690 году. Таким образом, среди британских колонистов сохранялась традиция исповедовать религию по своему усмотрению. В «Букваре», написанном в 1679 году в Лондоне, излагалась история протестантизма. Изначально он назывался «Наставник протестанта», а затем стал именоваться «Букварем Новой Англии»[9]. В этом знакомом Франклину учебнике рассказывалось о казни протестанта Джона Роджерса (1500?–1555), весьма известного проповедника, который работал над переводом Библии для использования ее в протестантских богослужениях. Когда на трон взошла королева Мария, Роджерса посадили под домашний арест и лишили сана. Тогда же он перестал получать жалованье. Его жена и дети, о которых говорилось в «Букваре», страдали. Домашний арест Роджерса продлился пять лет. Его называли мятежным проповедником, а затем приговорили к смерти. Когда подошло время казни, Роджерса отвезли на телеге в Смитфилд. Толпа протестантов, сопровождавшая его на казнь, прославляла стойкость Роджерса в вере, что придало его казни характер ритуала. Сообщалось, что его жена и 11 детей, один из которых был новорожденным, провожали его в последний путь. Говорили, что даже католики отмечали беззаветное мужество, с которым он взошел на костер.

Старшие члены семьи Франклина были знакомы со стихами Роджерса и его судьбой при правлении Марии Кровавой. Память о Роджерсе была увековечена в «Букваре Новой Англии» и в по-

---

[9] На основании рассказа Пола Лестера Форда С. Уильям Миллер отметил, что «Расширенный букварь Новой Англии» впервые появился в Бостоне в 1690 году с предисловием его вероятного составителя, лондонского писателя-печатника Бенджамина Харриса, который в 1679 году в Лондоне опубликовал более раннюю версию букваря под названием «Наставник протестанта». По возвращении в Лондон после пребывания в Бостоне Харрис продолжал публиковать пересмотренные издания букваря под названием «Новый наставник протестанта» [Miller 1974: 399 (запись 732)]. См. также [Ford 1899].

пулярной в колониях «Книге мучеников» Джона Фокса (1563). Его жизнь описывали как образец мученичества за свободу протестантского вероисповедания. Популярность «Букваря» сама по себе является свидетельством того, что память о Роджерсе стала лучшей пропагандой. В детстве Франклин учился по этому букварю. До начала совместного бизнеса с Дэвидом Холлом (и, следовательно, до того, как стали вестись отчеты) в типографии Франклина было отпечатано множество копий «Букваря Новой Англии», где рассказывалось о жизни Роджерса. После начала совместного бизнеса с Холлом, в период между 1749 и 1756 годами, они с Франклином, согласно отчетам, напечатали и продали по крайней мере 35 100 экземпляров «Букваря». Для печати Франклин выбрал вариант текста с прекрасной гравюрой по дереву и страницами стихов Роджерса. По мнению К. Уильяма Миллера, Франклин, «по-видимому, еще в начале своего пути выбрал текст букваря, который хотел издать. Он совпадает с текстом, напечатанным в 1727 году в Бостоне Ниландом и Грином», и не содержит изменений, внесенных позже в других издательствах [Miller 1974: 399 (запись 732)]. Действительно, Франклину нравилось распространять историю о Роджерсе. Она пробуждала в людях воспоминания о славном прошлом. Франклин понимал, что эта история не только нравится читателям, но и имеет среди них спрос, который позволил окупить расходы на типографию[10]. Стихи Джона Роджерса читали повсюду: в Бостоне, Филадельфии и Чарльстоне. Они доносили до читателей в колониях, особенно до тех, чьи семьи рискнули пересечь Атлантику после Английской гражданской войны, идею о том, что самопожертвование, если дело касалось религии, играет ключевую роль в достижении духовных и гражданских свобод.

В 1771 году в своих мемуарах Франклин пишет, что его родословная восходит к эпохе появления либерализма раннего Нового времени в Англии и Европе. Английские законы о ереси предусматривали смертную казнь, если инакомыслящие не

---

[10] См. предисловие к «Речи Джозефа Гэллоуэя... в ответ на речь Джона Дикинсона» в [Franklin 1959–, 11: 267–311], упоминание о Роджерсе на с. 303.

подчинялись догматам официальной государственной религии. Несмотря на это, члены семьи Франклина все равно исповедовали свою веру в кругу семьи. Говоря о своей семье в эпоху Реформации, Франклин показывал свою связь с либеральными ценностями двух эпох: эпохи, в которую жили его предки, и его собственной. Эта связь свидетельствует о его понимании того, что он являлся наследником и участником борьбы против политической и религиозной тирании.

Чтобы современные ему читатели его биографии не упустили этот момент, Франклин дополнил общую историю своей семьи в эпоху Реформации конкретным примером, о котором в письме 1739 года говорил его отец[11]. Франклин в автобиографии пересказывает историю своего отца:

> В доме у нас была Библия на английском языке, и чтобы уберечь ее от посторонних глаз, ее в открытом виде прикрепили снизу тесьмой к сиденью табуретки. Когда мой прапрадед читал Библию вслух своему семейству, он ставил табуретку вверх ножками к себе на колени и переворачивал страницы, вытягивая их из-под тесемок. Кто-нибудь из детей стоял в дверях, чтобы вовремя предупредить остальных о появлении пристава церковного суда. Тогда табуретку снова ставили на пол, и Библия оказывалась спрятана [Франклин 2022: 42; Franklin 1987: 1311–1312][12].

---

[11] В мемуарах Франклин приписывает эту историю своему дяде Бенджамину, возможно, потому, что у Франклина действительно было несколько семейных записок от дяди. Поскольку в Пасси в 1771 году Франклин работал по памяти, вполне понятно, что он мог спутать семейные истории, рассказанные ему дядей и отцом. Тем не менее формулировки, которые Франклин использовал в мемуарах, очень близки к тем, что присутствовали в письме от отца.

[12] Джозайя Франклин писал Бенджамину Франклину о некоторых семейных преданиях, включая такую историю: «Либо его [прадеда Джозайи] жена, либо моя бабушка по отцовской линии сообщили моему отцу, что во времена королевы Марии они прятали Библию, закрепив ее под сиденьем складного стула, чтобы можно было развернуть книгу и читать Библию. А когда кто-нибудь приходил в дом, они стул перевертывали, опасаясь судебного пристава, так как их жизни угрожала бы опасность, если бы секрет обнаружили» [Franklin 1959–, 2: 230–231]. Письмо, где есть и другая информация о семье Франклинов, публикуется по изданию Дуэйна [Franklin 1808–1818, 1: 4–5].

Эта история о складном стуле указывает на строгость законов о ереси[13]. Нарушать законы, запрещающие исповедовать иную веру, помогали в семье Франклинов даже дети. То, что эта история передавалась в семье из поколения в поколение, показывает, что исповедовать свою веру в страхе было нелегко.

Несомненно, Франклин в мемуарах хотел связать историю своей жизни с историей своей семьи, члены которой были инакомыслящими в эпоху, которую колонисты называли тираническ ой — как в религиозном, так и в политическом смысле. Безусловно, пуритане, живущие в Бостоне, были столь же нетерпимы к другим религиям, как англиканцы были нетерпимы к пуританам в Старом Свете. Однако в семейной истории религиозное инакомыслие идеализировалось и даже увековечивалось в памяти. Пересказ Франклином этой семейной истории также свидетельствует о понимании изменений религиозного и политического климата, с которыми столкнулись члены его семьи. От упоминания о королеве Марии и Библии на английском языке в середине XVI века Франклин в том же абзаце переходит к описанию религиозных и политических неурядиц, из-за которых его отец решил эмигрировать в Новую Англию. Этот абзац посвящен теме инакомыслия, присущего честным и набожным людям, размышлявшим над вопросами религии на протяжении двух веков семейной истории.

Нортгемптоншир и Оксфордшир в период Английской гражданской войны

Согласно рассказам членов семьи Франклина, на людях они были приверженцами англиканства, хотя ко времени рождения Томаса Франклина они отошли от этого учения. Дядя Бенджамин

---

[13] Упоминание «английской Библии» может быть явной отсылкой к Джону Роджерсу и подобным ему людям. Вероятно, речь идет о так называемой Большой Библии, созданной во времена правления Генриха VIII. Большая английская Библия представляла собой новый перевод, выполненный Майлзом Ковердейлом, в некоторой степени основанный на существующих переводах Уильяма Тиндейла и Джона Роджерса.

писал о Томасе Франклине Втором (1598–1682), своем отце, что тот «любил достойных людей всех конфессий», но «более всего он склонялся к пресвитерианскому правительству и строгости. Но когда на престол вернулся Карл II, Томас также стал посещать церковь ради поддержания мира и порядка»[14]. Из объяснения дяди Бенджамина следует, что, хотя его отец и склонялся к пуританству, он продолжал ходить в англиканскую церковь «ради поддержания мира и порядка». Многие из поколения Томаса Франклина считали наиболее целесообразным вести себя подобным образом.

Рассказы дяди Бенджамина и его отца об их предках завораживали Бенджамина Франклина. В своих мемуарах он благодарит дядю Бенджамина за то, что тот передал племяннику семейный архив: «Из заметок, которые некогда передал мне один мой дядя, как и я, прилежный собиратель семейных анекдотов, я почерпнул кое-какие подробности касательно до наших предков» [Франклин 2022: 39; Franklin 1987: 1308]. Согласно записям дяди Бенджамина и приходским документам, которые в 1758 году обнаружил сам Франклин, Франклины происходили из рода, проживавшего в различных маленьких английских городках в восточном и центральном Мидлендсе примерно в 30–50 милях к северу от Лондона на протяжении более чем трех столетий до рождения Бенджамина Франклина[15]. В семейных преданиях говорится, что когда-то они были землевладельцами и лицами свободных профессий[16]. Действительно, в XIV и XV веках слово «франклин»

---

[14] Записки дяди Бенджамина «Краткий рассказ о семье Томаса Франклина из Эктона в Нортгемптоншире. 21 июня 1717 года» хранятся в Библиотеке Бейнеке Йельского университета. Читатели могут ознакомиться с ними по [Huang 2000: 106–113]. Приведенная здесь цитата находится на с. 106–107.

[15] В автобиографии Бенджамина Франклина говорится: «Изучая в Эктоне церковные книги, я нашел там записи об их рождениях, браках и похоронах лишь начиная с 1555 года, ибо до этого церковные книги в Эктоне не велись. Из сохранившихся записей я узнал, что сам я был младшим сыном младшего сына на протяжении пяти поколений» [Франклин 2022: 39; Franklin 1987: 1309].

[16] См. «Краткий рассказ» дяди Бенджамина в [Huang 2000: 106–113].

(*franklin*) означало землевладельца свободного, но неблагородного происхождения. Сохранилось несколько вариантов написания фамилии — *Franklin*, *Francklyne* и *Franklyn*[17]. Древнейшим предком, известным дяде Бенджамину из историй, которые он слышал в юности, был его прадед, Генри Франклин (*Francklyne*), который в начале — середине XVI века был успешным землевладельцем. Дядя Бенджамин писал, что Генри был адвокатом, у которого было много «свободной земли» [Huang 2000: 106]. Другими словами, он был хозяином неогороженной земли, находящейся в полном семейном владении. На этой земле на семью могли работать поденщики. Работающим на ней людям разрешалось также создавать свои семьи и заниматься натуральным сельским хозяйством. По словам дяди Бенджамина, этот его предок жил в Хоутоне, городе в Нортгемптоншире рядом с Нортгемптоном и с местным сельскохозяйственным районом под названием Эктон, где преобладали пастбища для овец и натуральное хозяйство.

История дяди Бенджамина о Генри Франклине не только интересна, но и иронична. Ирония заключается в том, как дядя Бенджамин ее рассказал. Из нее следует, что интерес Генри Франклина к «справедливости» помешал семейному наследованию земли и его делу. «В его времена мелкопоместные дворяне-землевладельцы, живущие в том городе, выступали за огораживание своей земли», — писал дядя Бенджамин. Но Генри Франклин,

> ...будучи честным человеком, зная, что действующие законы запрещают это, и понимая, что это принесет беднякам большой вред, воспротивился их замыслу, выступил в за-

---

[17] Написание фамилии изменялось на протяжении поколений и даже иногда при жизни одного поколения Франклинов. Джозайя Франклин в красках рассказал о фамилии в письме к своему сыну Бенджамину и завершил так: «Как бы то ни было, ситуация наша была такова, что едва ли кто-то стал бы беспокоиться из-за подобных вещей, разве что можно было проявить немного фантазии». Письмо и ценный комментарий издателей опубликованы в [Franklin 1959–, 2: 229–232].

> щиту бедных жителей и потратил свое состояние, не принеся пользы ни себе, ни им. Так сила победила справедливость.

Дядя Бенджамин с иронией заключает: «Потратив таким образом свое состояние, Генри отдал сына в обучение кузнецу». Кузнец жил в Эктоне, в четырех милях к востоку от Нортгемптона. Дядя Бенджамин не понимал благородства Генри Франклина. Он сожалел об утрате состояния из-за заботы Генри о бедняках и его неуважения к законам об огораживании. Генри отказывался ограждать свои владения.

В этой истории подчеркиваются отсутствие наследства и рабочее происхождение семьи Франклинов. Генри Франклин не оставил сыну наследства, так как он не огораживал свои земли для личного пользования и получения прибыли. Вместо этого Генри предпочел оставить землю в общем пользовании, что снизило ее стоимость. В итоге его сын Томас Франклин стал учеником кузнеца, чтобы к своему совершеннолетию овладеть ремеслом[18]. Судя по всему, у Томаса была своя земля, но он вынужден был стать ремесленником. По-видимому, Томас обрабатывал свой участок земли. Его владения были более чем на четверть меньше отцовских. Скорее всего, они использовались для ведения сельского хозяйства и выпаса скота. Сам Томас работал кузнецом, делая инструменты для себя и соседей.

В XVI веке Генри застал первый этап эпохи огораживания, которая продолжалась до XIX века. Проблема огораживания

---

[18] Дядя Бенджамин в своем «Рассказе» называет Генри Франклина своим прадедом. Однако Генри Франклин, по крайней мере согласно генеалогии, предложенной редакторами документов Франклина, должен был быть прапрадедом дяди Бенджамина. Его фамилию пишут по-разному. Сыном этого Генри был Томас Франклин (по слухам, процветавший с 1563 по 1573 год), а сыном Томаса Франклина был другой Генри (пишется как *Franklyn*, 1573–1631). Последний Генри был дедом дяди Бенджамина, отцом отца дяди Бенджамина — Томаса (1598–1682). См. «Краткий рассказ» дяди Бенджамина в [Huang 2000: 106] в сравнении с [Franklin 1959–, 1: L–LI]. Для наших целей важно то, что семейная история, известная Бенджамину Франклину, была историей, которую рассказывали его отец и дядя Бенджамин.

сама по себе свидетельствовала об изменениях, происходящих в сельской местности по всей Англии. Особенно интенсивным в XVI веке было огораживание в Мидлендсе. Люди, живущие натуральным хозяйством, находились в зоне риска, а в Мидлендсе, где жил Генри Франклин, их становилось все больше. Были приняты законы о бродяжничестве, и городские сторожа следили за их соблюдением. Санитарная обстановка в городах была настолько плохой, что были приняты законы об уборке улиц в определенные дни. Распространявшаяся безработица сеяла тревогу среди рабочего люда. Ремесленники и мастеровые объединялись в гильдии (эта практика сохранилась с эпохи Средневековья), чтобы обеспечить себе место на переполненном рынке труда. На ярмарках и в базарные дни могли торговать только подмастерья и свободные жители окрестных городков. Владельцев постоялых дворов и таверн серьезно штрафовали и сажали в тюрьму за то, что они давали приют нищим и бродягам[19]. Сторонники огораживания могли улучшить качество своих земель за счет севооборота, новых методов ведения сельского хозяйства и повышения продуктивности почв, что приводило к увеличению урожая и росту доходов. В ретроспективе мы понимаем, что такой подход благотворно влиял на экологию. Также мы понимаем иронию, заключающуюся в том, что предок Бенджамина Франклина, выступавшего за владение и использование частной собственности, придерживался средневековой, а не обновленной системы и отвергал переход к экономической самодостаточности и преимуществам владения частной собственностью, ставшим возможными благодаря новым законам и инновациям в сельском хозяйстве. В любом случае замечания дяди Бенджамина о владениях Генри Франклина, записанные в 1717 году, позволяют предположить, что во времена юности Бенджамина Франклина эти вопросы обсуждались в семье.

Томас Франклин (дед Бенджамина Франклина) всю жизнь жил и работал в Нортгемптоншире. По словам дяди Бенджамина, он родился «на восьмой день октября 1598 года в Эктоне в Норт-

[19] Об упомянутых здесь мерах говорится в [Potts 1978: 133–134].

гемптоншире». Томас Франклин был «от природы веселым человеком, приятным в общении и справедливым в поступках». Дядя Бенджамин писал о своем отце, что тот был «в своем ремесле отличным работником, человеком, усвоившим все лучшее, законопослушным и соблюдающим семейные обязанности, великим наблюдателем за Божьим промыслом». Местные жители восхищались его мастерством. Томас был «токарем, оружейником, хирургом, писцом и обладал самым красивым почерком, который я когда-либо видел», — писал дядя Бенджамин. Кроме того, Томас имел познания в «астрономии и химии, из-за чего проводил много времени с мистером Джоном Палмером, архидиаконом Нортгемптона». У него была ферма на собственном земельном наделе, а также он был кузнецом. Томас Франклин, очевидно, обладал энциклопедическими знаниями, как и его знаменитый внук[20].

В промежутке между 1637 и 1657 годами у Томаса Франклина и его жены, Джейн Уайт Франклин (1617–1662), родилось 11 детей[21]. Джозайя Франклин, отец Бенджамина, был самым младшим ребенком. Он родился 25 декабря 1657 года. Брату Джозайи, дяде Бенджамину, родившемуся 20 марта 1650 года, было тогда семь лет. Жизнь в то время была весьма непростой. Молодая растущая семья нуждалась в защите от массовых беспорядков. Томас и Джейн Уайт Франклин обручились в трудное время правления Карла I, когда люди из всех сословий сталкивались с проблемами из-за налогообложения, светской и церковной

---

[20] Джон Палмер (1612–1679) был настоятелем прихода Эктон и архидиаконом Нортгемптона. О Палмере рассказывают Джон Коул в [Cole 1825: 15–17] и Джон Бриджес [Bridges 1791, 2: 144]. См. также [Franklin 1959–, 8: 137].

[21] В «Кратком рассказе» Бенджамина Франклина перечислены следующие дети: Томас, родившийся 3 марта 1637 года; Сэмюель, родившийся 5 ноября 1641 года; Джон, родившийся 20 февраля 1643 года; Джозеф, родившийся 10 октября 1646 года; Бенджамин, родившийся 20 марта 1650 года; Ханна, родившаяся 29 октября 1654 года; и Джозайя, родившийся 25 декабря 1657 года. После этого списка детей дядя Бенджамин отмечает, что у его родителей «было еще два сына, близнецы, родившиеся перед Бенджамином. Но их имена не сохранились, потому что они умерли некрещеными».

власти. В английском Мидлендсе наступила эпоха беспорядков, произошло множество сражений и стычек.

Несмотря на то что их дети родились в трудные времена, Томас и Джейн Уайт Франклин достойно пережили эту эпоху, наполненную политическими и религиозными распрями. Большинство их детей родились в разгар гражданской войны, когда поблизости происходили ключевые сражения. Их сыновья Томас, Сэмюель, Джон и Джозеф, родившиеся в промежутке между 1637 и 1646 годами, появились на свет во время войн и восстаний в Шотландии, Ирландии и Англии. Пока Джейн Уайт вынашивала и рожала своих детей, в Мидлендсе, между Банбери (в Оксфордшире), где появилась на свет и выросла Джейн Уайт Франклин, и Эктоном (в Нортгемптоншире), куда она переехала и где жила вместе со своим мужем, произошло несколько сражений гражданской войны. В окрестностях этих городов и Оксфорда, куда переехали члены их большой семьи (эти города находились примерно в 35 милях друг от друга), сторонники парламента сражались с роялистами, возглавляемыми королем Карлом, а затем принцем Рупертом. Первая битва произошла в октябре 1642 года при Эджхилле, недалеко от Банбери. В итоге так и не удалось установить, кто победил — сторонники парламента или королевские войска, но с каждой стороны погибло около 500 человек и 1500 были ранены. В марте 1643 года король был полон решимости захватить власть в регионе и отправил несколько конных отрядов, полупушку, известную как «Ревущая Мег», и несколько пехотинцев из Банбери для обстрела Хоптон-Хит, удерживаемого сторонниками парламента. После пушечных залпов роялистов и нескольких кавалерийских атак сторонники парламента отступили. Во время апрельской осады Бирмингема и Личфилда в 1643 году войска принца Руперта шли из Оксфорда прямо через Банбери. Этот район был основной целью как для сторонников парламента, так и для роялистов. Ключевые поля сражений и в конечном счете замок Банбери подверглись осаде и были разорены. Воюющие стороны неоднократно захватывали город

и замок Банбери. Между 1643 и 1644 годами, согласно приходским книгам и полковым журналам, в Банбери, в городе и замке, погибло около 500 человек[22]. Сообщения о запахе крови, отсутствии еды и чистой воды и в целом об антисанитарных условиях свидетельствуют о том, что уровень жизни местного населения был низким. По сельскохозяйственным угодьям и дорогам шатались бродяги и дезертиры. Территория не охранялась и подвергалась неоднократным вторжениям извне.

Томас Франклин, землевладелец и кузнец, наверняка видел, как по его землям в Эктоне снова и снова проходили солдаты, дезертиры и маркитанты. Битвы были кровопролитными, пешие войска были вооружены холодным оружием, а конные — пиками и топорами. Как и в большинстве войн, поля и скот горожан грабили обе стороны конфликта. Мастерство Томаса Франклина, а также его владения, вероятно, привлекали представителей обеих сторон, которые просили его о позволении использовать его землю для размещения свиты (в том числе ополчения, маркитантов и животных) и о помощи в починке снаряжения. Безусловно, Джейн Франклин в условиях военного времени тяжело давались ее многочисленные беременности. Она видела, как умерли два ее новорожденных сына. Возможно, они родились уже мертвыми. Как бы то ни было, в семейных записях отмечена смерть двух мальчиков-близнецов[23]. В записях ничего не говорится о причинах их смерти, но, возможно, военное время не позволило им выжить. Дядя Бенджамин, Ханна и Джозайя Франклин родились сразу после того, как Карл I был обезглавлен, в годы правления Кромвеля и его «протектората» (1649–1660)[24].

---

[22] Рональд Хаттон и Вайли Ривз отмечают, что во время одного особенно продолжительного обстрела «один из парламентариев в отряде, осаждавшем замок Банбери в Уорикшире, с мрачным удовлетворением записал, как при каждом взрыве очередной гранаты изнутри раздавались крики». См. [Hutton, Reeves 1998: 224].

[23] Томас Франклин (1637–1702); Сэмюель Франклин (1641–1664); Джон Франклин (1643–1691); Джозеф Франклин (1646–1683). См. [Franklin 1959–, 1: LI].

[24] Бенджамин Франклин (1650–1727); Ханна Франклин (Моррис; 1654–1712); Джозайя Франклин (1657–1745).

Трудно представить себе более сложную обстановку для воспитания детей. Можно лишь предполагать, насколько дети понимали происходящие вокруг события. Но, несомненно, повзрослев, они осознали религиозные, политические и гражданские последствия выигранных и проигранных битв на их земле или рядом с ней.

Если верить рассказу дяди Бенджамина о его родителях, дети росли в очень благочестивой атмосфере. По его воспоминаниям, дом, где он провел свое детство, украшали библейские стихи, обращенные к верным христианам. Он писал:

> На стене гостиной моего отца по периметру комнаты, над полом, висели 16-й и 17-й стихи из третьей главы Евангелия от Иоанна, написанные жирным готическим шрифтом. «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную. Ибо не послал Бог Сына Своего в мир, чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него»[25].

Родители прививали своим детям веру в то, что их текущее положение, каким бы тяжелым оно ни было, лишь временно и что любое порицание окружающего мира бесполезно. Надежда заключается в Божьем промысле. Такое отношение, основанное на абсолютной вере в благодать Божию, является, по сути своей, кальвинистским. Дядя Бенджамин вспоминал, что его мать была «строгой в своих моральных принципах». Он писал, что «она была воспитана в вере и придерживалась религиозных взглядов. По четвергам они с благочестивыми соседками собирались вместе... и проводили встречи в молитвах, беседах, песнопениях и повторении вышеуказанной проповеди Дня Господнего»[26]. Несогласные с учением официальной церкви, родители Джозайи Франклина отличались набожностью и растили детей благочестивыми.

---

[25] Цит. по: [Huang 2000: 3]. Записные книжки хранятся в Американском антикварном обществе.

[26] Цит. по: [Huang 2000: 107].

Пасторы в окружении семьи в Эктоне и в Банбери также были инакомыслящими. Когда Джейн Уайт была ребенком, влиятельным викарием в Банбери был сын губернатора Уильям Уэйтли (1583–1639), умеренный кальвинист. В 1648 году его место занял уроженец Оксфорда Сэмюель Уэллс (1614–1678), известный своим умом и набожностью. Он был любимцем семьи Франклинов. Дочь Уэллса Ханна присоединилась к Франклинам в 1683 году. Во время гражданской войны Уэллс был капелланом у сторонников парламента под предводительством Роберта Девере, третьего графа Эссекса. И Уэйтли, и Уэллс были кальвинистами по убеждениям, но в жизни оба они придерживались умеренных взглядов. Именно при Уэллсе Банбери стал известен своими пуританскими взглядами, но Уэллс, по сути, был более умеренным кальвинистом, чем некоторые другие священники. Когда Карла I заключили в тюрьму, Уэллс сильно рисковал. В январе 1649 года король должен был предстать перед Верховным трибуналом в Вестминстере, созданным парламентом специально для суда над королем. Члены парламента приняли решение судить Карла за государственную измену, что могло закончиться только его казнью. Вместе с группой священников из Оксфордшира и Нортгемптоншира Уэллс обратился с официальным ходатайством к парламенту, прося пересмотреть это решение. Ходатайство отклонили и короля казнили[27].

В 1660 году произошла реставрация Стюартов. Пуритане стали подвергаться гонениям, их жизнь усложнилась. Кларендонский кодекс, названный в честь Эдуарда Хайда (1609–1674), первого графа Кларендона, лорд-канцлера Карла II, фактически восстановил англиканскую церковь. Терпимость к инакомыслящим, даже к тем, кто выступал против цареубийц, исчезла. Кларендонский кодекс состоял из четырех законодательных актов, направленных на препятствование религиозному инакомыслию. Акт о корпорациях (1661) требовал от всех государственных служащих в городах принятия евхаристии в лоне ан-

[27] Информацию об Уэллсе можно найти в [Tourtellot 1977: 31–32].

гликанской церкви и официально отвергал Торжественную лигу и Ковенант 1643 года, что фактически исключало участие инакомыслящих в работе государственных учреждений. Акт о единообразии (1662) устанавливал обязательное использование Книги общих молитв при отправлении религиозных церемоний по всей Англии. Акт о сектантских молениях (1664) запрещал тайные собрания (проведение частных религиозных обрядов и, как следствие, несанкционированные богослужения среди людей, которые не были членами одной семьи) и фактически препятствовал встречам инакомыслящих. Акт о пяти милях (1665), направленный против инакомыслящих священников, запрещал им приближаться менее чем на пять миль к городам, где они ранее проповедовали, и к местам их прежнего проживания. Принятие Кларендонского кодекса вызвало множество религиозных споров.

В 1662 году Сэмюель Уэллс, вместе с примерно 2000 других известных священников, отказавшихся подчиняться Акту о единообразии, были отлучены от церкви. Они собирали прихожан, покинувших свои приходы, и проводили частные богослужения, пока не вышел Акт о сектантских молениях. Затем Уэллс продолжил служить в тех же землях, пока Акт о пяти милях не запретил само его присутствие там. Уэллс был вынужден переехать в Деддингтон в Оксфордшире. Оттуда он еженедельно писал письма своей бывшей пастве, давая духовные советы и ободряя их. В 1672 году, после того как Карл II издал индульгенцию, он вернулся в Банбери, где и умер шесть лет спустя.

История Уэллса показывает, на что были способны набожные пуритане в стремлении исповедовать свою религию. Франклины были близко знакомы с Сэмюелем Уэллсом. Дядя Бенджамин женился на его дочери, Ханне. Свадьба состоялась всего через несколько месяцев после того, как Джозайя Франклин отплыл со своей семьей в Бостон. Дядя Бенджамин с горечью воспринял отлучение Сэмюеля Уэллса за инакомыслие. Говоря об отце Ханны, он написал в своем «Кратком рассказе»: «Этот мистер У. был одним из тех 2000, которых отлучили вскоре после реставрации короля Карла II, 24 августа 1662 года. В народе эту дату